

An abstract painting featuring a lion's head in the upper left, rendered in yellow and white with dark outlines. A large, vibrant red shape dominates the center, resembling a lion's mane. To the right, a blue and white donkey's head is visible, looking towards the center. The background is dark and textured with various brushstrokes.

ОДНА
ИЗ ГЛАВНЫХ
ПРЕМИЙ КОНКУРСА
«КНИГУРУ» 2011

Ая эН

Библия
В SMSках

Ая эН

Библия в СМСках

«WebKniga»

2012

ЭН А.

Библия в СМСках / А. ЭН — «WebKniga», 2012

«Библия в SMSках» не просто получила одну из главных премий «Книгуру» – Первого всероссийского конкурса литературы для подростков – она вызвала самые острые споры и среди сетевых читателей (они же члены детского жюри), и среди взрослых-экспертов. Само столкновение в названии книги столь далеких друг от друга понятий высекало такие полемические искры, будто речь шла не о конфликте поколений, а о войне двух враждебных цивилизаций. Между тем цивилизация у нас общая, а границы между людьми пролегают вовсе не по возрасту, а там, где и всегда – между добрыми и злыми, искренними и подлыми, доверчивыми и коварными. «Все, как на самом деле», «характеры живые», «я таких знаю» – это из откликов на сетевую рукопись. Теперь книжку можно взять в руки, и наверняка ее читатели, подобно героям романа Ай Эн, обменяются не одной сотней SMSок – и одобрительных, и негодующих. Главное – чтобы прочли.

© ЭН А., 2012

© WebKniga, 2012

Содержание

Глава 1. День первый	6
Глава 2. Скоты и гады	11
Глава 3. Всё будет просто зашибись	20
Глава 4. За семью печатями	27
Глава 5. Из костей и праха	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Ая эН Библия в SMSках

Посвящается сыну Роме и крестнице Маше

*Каждый человек должен сделать в жизни три дела: родиться,
пожить и помереть.*

Глава 1. День первый

- Ничо нема. Б сотворил небо & землю. Носился над водой.
- А вода была сразу?
- Да!
- Гыыы! Откуда?)))
- Не умничай!

- .....
- Б создал свет, и день кончился
  - День кончился када создали свет гиниально!!!
  - «Гениально» пишица через Е от слова «гений»!
  - ^_^ Лана, запомню!
  - Лучше про свет запомни! Это сейчас ВАЖНЕЕ!!!
  - Донт вори би хэппи! Прорвемся!!! Олеолеоле))))))

- .....
- Повтори что запомнила. Что было в начале?
  - АШ-2шт, О-1шт и БОГ-1шт
  - Что было потом?
  - Б создал фотоны и календарь на 1 день!

«Сотворение всего».

Первая книга Моисеева. Бытие. Глава 1.

Выдержки из SMS-переписки двух молодых людей

Вначале Стас сотворил небо и землю.

Небо – голубая полоска акварели вверх листа. Земля – зеленая полоска внизу.

Пока Земля была пуста, Стас решил сотворить Солнце. Но плохо помыл кисточку. И Солнце получилось грязным. Не желтым, а зеленым, как лайм. Стас разревелся. Он еще не знал, какого цвета лайм и вообще – что эта за штука лайм. Но он твердо знал, что за штука Солнце и что оно обязано быть желтым.

Сначала Станислав Макаров всхлипывал тихонечко. Шмыгнет носом – и тишина на пару секунд. А потом, когда первая соленая капля упала на землю и земля кружочком вспухла, Стасу стало так жалко себя, так жалко, что просто ужас. И он разревелся во весь голос.

Салим подписывал тетради. Он сидел спиной к брату за своим выдавшим виды письменным столом и усиленно делал вид, что занимается подготовкой к новому учебному году. Тетради вовсе не хотели подписываться.

Первая из них открылась на середине. И клеточки, одна за другой, стали превращаться в маленькие черные квадраты Малевича. Салим еще не знал о том, что был такой знаменитый художник

— Казимир Малевич. Он просто закрашивал клеточки. Первую, вторую, десятую, сотую, четыре тысячи пятьсот девяную...

Заниматься уроками под истерику маленького сопливого изверга было невозможно. Салим закрыл тетрадь, подошел к большому столу, накрытому старой желтой клеенкой, купленной еще при отце.

– Ну, чего тебе?

Стас рыдал, запрокинув голову назад и размазывая зелено-желтые слезы по щекам ладошками. Салим глянул на рисунок, все понял. Фыркнул:

– Делов-то, блин!

Вышел на кухню, принес салфетку, промокнул зеленое солнце, промыл кисточку.

Увидев новое, желтое солнце, Стас успокоился.

– Хо-ошоо...

– Буш орать, получишь по мозгам, – предупредил Салим.

– Не по-учишь! – упрямо нахмурился Стас.

Но особой уверенности в его голосе не было. На всякий случай он проводил старшего брата подозрительным взглядом. Брат вернулся к своему столу, сел, включил свет – за окош-

ком темнело. Открыл тетрадку, склонился. Стас понял, что по мозгам он не получит, во всяком случае на этот раз – точно не получит, – и опять взялся за кисточку. И был вечер.

И была ночь.

И было утро.

И был первый день.

Самый первый день без мамы.

Мама умерла, пока они отдыхали в лагере. Бабушка сказала – от сердечного приступа. Шепотом сказала, чтобы Стас не слышал. Хотя Стас и так спал во время их разговора. Бабушка плакала, обнимала Салима за плечи, называла Санечкой и целовала в макушку. А Салим тупил и отчего-то не отстранялся, хотя ему немного стыдно «нежничать» с почти посторонним, хоть и родным по крови человеком. Это было вчера вечером. Салим не мог думать о том, что было вчера. И вообще о прошлом. И вообще о том, что их с братом жизнь в местечке Осечки под Краснодаром дала такую очередную осечку, что... Единственное, на чем удавалось тупо сосредоточиться, – на маленьких черных квадратах...

.....
Информация на странице может не соответствовать действительности!

Черная Молния МГУ '10

День рождения: 1 апреля

Родной город: Монтекарло

Братья, сестры: Стас

Показать подробную информацию?

Желания Черной Молнии (1)

Фотографии с Молнией (5)

Видеозаписи с Молнией

Отправить Молнии сообщение

Отправить Молнии подарок

Добавить в друзья

.....

Глава 2. Скоты и гады

- Скотов и гадов Б сотвор ближе к концу рабочей недели
- После птиц?

- Да!
- Устал чтоли Б? Был не в настроении?
- Так ему птицы небось стали на голову гадить – он и...)))
- Я б тоже зверанулась!
- Ага) кстати зверей сотв вместе с гадами
- Ага, и нашего физрука тогда же – он такой гад!
- Не суди
- Я не сужу! Я просто говорю правду! Я просто – НЕ ВРУ!!!
- Успокойся, я тоже тебе не вру.
- Библия твоя зато врет по полной!!! Земноводные были РАНЬШЕ птиц, это наукой ДОКАЗ, мы учили по зоологии. Я больше не хочу слушать ТВОЙ БРЕД!
- Евка, это не мой бред, это НАША ИСТОРИЯ. Ты умничка, Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ! Но плиз плиз плиз, давай продолжим. Ради твоего будущего!
- Лана, я тя тоже люблю...
- Итак: 2 день – трава деревьев, 3 день – солнце луна, 4 – пресмык птицы, 5 – скоты гады звери чел... Повторить можешь?
- Нет! Не могу! Сначала деревья, а потом солнце – НЕ МОГУ!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

«Сотворение всего»

Первая книга Моисеева. Бытие. Глава 1

Выдержки из SMS-переписки двух молодых людей

Жизнь прошла мимо. Прошла, равнодушно помахивая сиренево-зелеными ресницами в полосочку и зелено-сиреневой сумкой в клеточку. Прошла, не заметив Вигнати, неприменно сидящей на полосато-клетчатой скамейке детской площадки коттеджного поселка. Жизнь, прошедшая мимо, была яркой и молодой, знакомой Вигнате с самого своего рождения, и звали ее Вероника. Или Виктория. Кажется, Виктория. Вика. Впрочем, какая разница? И как только родители позволяют девочке из приличной семьи наряжаться и краситься таким диким образом? Вера Игнатьевна поджала губы со следами тщательно выщипанных усов и стряхнула пепел в пасть китчевой оранжевой лягушке. Впрочем, чего ожидать от родителей шестнадцатилетней соседской вертихвостки, если все вокруг такое же дикое, даже мусорница-жаба на детской площадке? Мир сошел с ума. Жизнь прошла мимо, а мир сошел с ума. Это надо признать, с этим надо смириться и с этим ничего не поделаешь.

На площадке, несмотря на солнечный августовский день, никого не было. Даже голубей. Вера Игнатьевна извлекла из пачки вторую сигарету. Но курить не стала, а положила ее на скамейку рядом с телефоном. Телефон молчал. Сигарета тоже. Вера Игнатьевна – тем более. Они сидели втроем на скамейке и молчали.

Детская площадка была совсем небольшая. Слева – два сооружения для юных скалолазов: горки под башенками, лесенки, переладины, под горками – два домика-шара с треугольными окошками. Справа – качели и металлический пенек, на котором сто лет назад торчала карусель. Почему ее сейчас нет?

Когда-то давно Вигнати приводила сюда внучку Еву. Иногда сама, иногда – вместе с няней. Однажды какая-то чужая девочка, кажется, не Вика, но по возрасту так же чуть старше внучки, раскрутила карусель, и та несильно ударила Еву в плечо. Евка от обиды громко расплакалась, а чужая девочка от испуга – еще громче. И это было счастье, настоящее счастье. Только в тот момент они все не знали этого. Успокаивали девочек, ругали нерадивых нянек и себя заодно. Нянек – больше, себя – меньше, а потом и девочек: «Вы уже большие, должны сами быть внимательнее!», а потом опять нянек... Это было счастье – самое-преса-

мое настоящее! Словно вчера это было... Вигнатя улыбнулась, но улыбку тут же сменили слезы. Того чудного дня уже не вернуть... Ни-ког-да, никогдашеньки...

Нет-нет, вот еще глупости! Не плакать, не плакать, только не плакать. Слишком много дел и слишком мало времени, чтобы сентиментальничать. Вигнатя лихорадочно достала третью сигарету и сунула ее в рот. Почему не звонят из клиники? Она скосила глаза на телефон, увидела вторую сигарету, вынула изо рта третью и положила ее рядом со второй. Может, мобилка села или тут нет приема? Вера Игнатьевна ткнула в пару кнопок.

– Любуня?

– Да, Вер Игнатьна!

– Ты... ты не забыла... не забыла полить цветок в гостевом домике?

– Так мы ж его еще неделю назад перенесли в бильярдную, Игнатьна!

– Да? А... а в гостевом теперь ни одного горшка не осталось?

– Ну!

– Ладно... Дети звонили?

– Вроде нет. А должны были?

Дети могли позвонить в том случае, если врачаха из клиники позвонила им, а не напрямую ей. Но раз нет, то нет. Ладно. Подождем.

– Ладно, Любунь. Я скоро буду. Пока.

Итак, телефон работает исправно, детям из клиники пока не звонили, но ведь и ей пока не звонили. Может, позвонить самой? Сейчас половина первого. Сказали, что результат будет известен после двенадцати. Значит, уже известен.

Вера Игнатьевна решила не звонить. Вместо этого она собралась с мыслями, деловито достала из сумочки ежедневник, а из пачки, неосознанно, – четвертую сигарету. Надо составить список неотложных дел. Самое неотложное – завещание. Значит, дело номер один – юрист. Фирменной перьевой ручки на привычном месте, в боковом внутреннем кармане, не оказалось. Вигнатя уложила не раскуренную четвертую сигарету рядом с остальными и поискала ручку в косметичке. В косметичке семидесятидвухлетней сухошавой вдовы, продолжающей контролировать одну из фирм мужа и вести преподавательскую деятельность в институте (две лекции в семестр, четвертые курсы), ручки также не обнаружилось. Была тушь, которой Вигнатя никогда не пользовалась, была пудреница, которой Вигнатя пользовалась крайне редко, была обводка для губ, которую приходилось покупать пачками, так быстро и незаметно она расходовалась. И – ни фирменной ручки, ни запасной шариковой. Вера Игнатьевна горько усмехнулась. Самого необходимого в жизни всегда не бывает под рукой. Вот так таскаешь всю жизнь с собой только ненужное барахло. Тушь. Зачем она? В гробу не будешь краше, чем есть. А в последний путь патологоанатомы тебя отштукатурят собственным дешевым гримом, он у них небось один на всех. От этой мысли плакать почему-то не захотелось. Будущее не вызывало никаких эмоций. Наверное, потому, что его не существовало.

Вигнатя равнодушно отправила в пасть лягушке тушь, вслед за ней – пудреницу. Рука с пудреницей, впрочем, на долю секунды задержалась перед пастью. Но это так, случайно. Наверное, случайно. Обводка механически вернулась в косметичку. Где же ручка? Может быть, она на дне сумки? Зонт. Кошелек. Визитница. Одноразовые платочки. Тонкий шарфик в пакетике. Сумочка с лекарствами: корвалол, валерьянка, желудочное, мазь от ожогов – Вигнатя с детства боялась ожогов. Бутылочка с холодным фирменным чаем. Хлебцы – пачка. Две леденцовые конфетки. Коробочка с ерундой, якобы освежающей дыхание. Щипчики – почему они валяются отдельно, не в косметичке? Может и ручка так же, отдельно? В кармане с молнией: паспорт, права, ключи от дома, ключи от машины, еще пара визиток, страховой полис, бумаги из клиники, рекламный листок «горящие туры». Туры полетели в лягушку вслед за пудреницей.

– Гурл!

Голубь приземлился возле столбика от карусели и с интересом принялся наблюдать за сидящей на скамье старушенцией в кремовых брюках и светлой свободной кофте с бежевыми ненавязчивыми разводами.

– Гурлым?

Вера Игнатьевна вскрыла упаковку с хлебцами, раскрошила один и кинула в сторону голубя.

– Гургл!

Пернатый мозговой парень не заставил себя уговаривать: бодро перепорхнул поближе к скамейке и приступил к обеду. «Как это просто – сделать птицу счастливой!» – подумала Вигнатья. Голубь молча тыкался клювом в крошки. Возможно, он предпочел бы другое меню, но... «Взгляните на птиц небесных, – вспомнилось вдруг Вере Игнатьевне, – они не сеют, не жнут, не собирают в житницы и...» Дальше не вспоминалось. Отрывок этот был из Биб-

лии, из знаменитой Нагорной проповеди, которую Вигнатя много лет цитировала на своих лекциях по истории этики. Но кусок про птиц она никогда не цитировала, поэтому наизусть не помнила. Голубь клевал без энтузиазма. Может, был сытый, а может, уже сейчас наелся. Много ли такому малышу надо? «Птичка божия не знает ни заботы, не труда» – всплыло в слегка воспаленном ожидании звонка мозгу Вигнати – «то, как вол, она летает, то ей горе не беда...» Почему – как вол? Откуда взялся вол? Птичка летает, как птичка. Как же там было, в оригинале?

Без четверти час. Почему они не звонят? Вот гады! Просто безобразие. Сказали четко – после двенадцати. Но уже почти час дня! Такие деньги с пациентов гребут, и ничего не могут сделать вовремя! Может, они позвонили детям? Вере Игнатьевне почему-то не приходило в голову, что ее «дети» – сын и невестка – живут в Америке, и даже если врачу пришлось в голову им позвонить, он не стал бы делать это в час дня, учитывая разницу во времени между Москвой и Чикаго. А вообще, интересно: как именно мысли «приходят в голову»? Если верить нейробиологам...

Может быть, врачиха позвонила внукам: Еве – нет, она еще ребенок, у врачихи и телефона ее нет, а вот Максимум могла.

– Любуня...

– Да, Вер-гнатна!

– Ты это... ты вот что. Загляни-ка в холодильник. Там нам этого... творога не надо купить?

Любуня послушно потопала к холодильнику. Видно, она возилась на кухне, потому что долго ждать не пришлось.

– Есть пачка. И еще этих взбитых полно. С джемами.

– Ну, это для Евки, это не в счет. Кстати, она там не звонила?

– Кому, мне?!

Четырнадцатилетняя Ева и бабушке родной звонила только когда деньги нужны были. А уж Любе...

– А Макс не звонил?

– А чего ему сегодня из Италии звонить? Они же завтра прилетают. Небось отдыхает там последний денек-то со своей... френдой. На полную катушку.

– Всем бы вам только развлекаться! – взорвалась вдруг Вигнатя. – И что это за словечко – «френда»?

Любовь Антоновна потеряла дар речи. Это она-то развлекается? Нет, конечно, ей грех жаловаться – живет, как за пазухой и сыр в масле, и работы немного – у других горничных бывает не продохнуть, но... Но она честно выполняет все обязанности, и они же с Вигнатей просто как родные, давно уже так, и... пип, пип, пип! Хозяйка, она же старая подруга, бросила трубку. Любуня шумно вздохнула и оглядела просторную, заставленную всякой всячиной кухню. Посуда вымыта. Обед почти готов. Пожалуй, надо бы заняться огурцами. Последние в этом сезоне, жалко, если пропадут...

Вера Игнатьевна посмотрела на часы. Двенадцать пятьдесят одна.

– Гургл-гургл-гурлым?

– Надо было Богу остановиться на птицах! – объявила она голубю. – И не создавать такую сволочь, как человек! Иди сюда, мой славенький, я тебя покормлю. Мне-то уже не нужно...

Голубь вразвалочку подошел, поскольку второй хлебец рассыпался у Вигнати прямо возле ног.

Жизнь прошла мимо. Удачная она была или не очень – какая разница? Все кончено. В любом случае все кончено. Даже если результат биопсии будет отрицательным, это почти

ничего не меняет. Семьдесят два, это само по себе – приговор. Почему раньше она об этом не задумывалась?! Непостижимо...

– Гурлым!

Семьдесят два года и два месяца. И рак. Даже операцию в таком возрасте делать опасно. Кошмар. Что осталось успеть? Накормить голубя. Подписать бумаги у юриста, чтобы у детей после ее смерти не возникло никаких проблем. Выбросить старые вещи, чтобы никому не пришлось рыться в том, в чем не стоит рыться. Стереть с компа несколько глупых переписок с бывшим другом бывшей одноклассницы.

– Гурлым! Ну гурлым же! – сказал голубь, но его никто не услышал, кроме второго голубя, непонятно в какой момент появившегося у скамейки с застывшей леди.

Потом фотографии. Надо уничтожить все плохие фотографии. Оставить несколько самых удачных – пусть потомки знают, какая у них была замечательная прабабушка. Оставить ту фотку, на горных лыжах, когда они в последний раз были с мужем в... в последний раз... в последний... в самый последний... Вигнатья хлюпнула носом, сгорбилась и выронила из рук оставшиеся не раскрошенными хлебцы. Голуби – их уже было три – испуганно вспорхнули, но отлетели недалеко: самый храбрый – на полметра, самый пугливый – на ближайшую ветку нависшего над скамейкой дерева...

Врачиха позвонила в половине второго, когда Вигнатья уже не хлюпала носом, а стеклянно, оловянно и деревянно смотрела в дрожащий от испаряющийся влаги воздух.

– Вера Игнатьевна? Могу вас обрадовать, голубушка. У вас все в полном порядке. Результат анализа, как мы и предполагали, отрицательный. Так что живите еще в свое удовольствие сто лет, а хотите – так и все двести!.. Что? Нет, никаких таблеток не надо. Никакой химиотерапии, никаких физио. Я же говорю: результат отрицательный... Нет, мы не ошиблись... Вера Игнатьевна! Вы можете повторить анализ в любой другой клинике, но я уверяю вас, в этом нет ни малейшей необходимости. Вспомните, это ведь вы настояли на анализе? Что касается меня как специалиста и моих коллег – у нас и раньше не было ни малейших сомнений в доброкачественности вашей родинки, но чтобы вас успокоить, мы...

– Вы меня вполне успокоили, Марина Александровна!

– Алексеевна...

– Извиняюсь. Алексеевна. У меня точно все в порядке?

– В полнейшем. Сто лет проживете безо всяких забот.

– Сто лет в моем возрасте не живут, – сухо возразила Вигнатя.

Врачиха рассмеялась:

– Но еще девяносто девять – вполне возможно! При нынешнем уровне жизни и медицины...

Женщины с фальшивой теплотой распрощались.

– Надо было Богу остановиться на птицах! – повторила Вигнатя голубям. – «При нынешнем уровне медицины...» Алексеевна она! Стерва она, каких мало! Каких много! Каких – навалом!

Вера Игнатьевна почему-то чувствовала себя жестоко обманутой. Она понимала, что должна чувствовать «невыразимую легкость бытия», радость и полноту жизни, «гору с плеч» и проч, и проч, и тэдэ. Но кроме раздражения почему-то ровным счетом ничего не испытывалось, точнее – не хотело испытываться. Ежедневник теперь можно было убрать в сумку. Неотложных дел на ближайшее время не предвиделось. Убрать ежедневник так просто не получилось. Один из голубей ухитрился на него нагадить. Пришлось вскрывать пачку с платочками и приводить книжку в порядок.

– Кыш отсюда!

– Гургл-гм?

– Управы на вас нет! Мало на земле гадов, еще и вы гадите!

Жизнь бодро прошла мимо в обратном направлении. На ней были все те же полосатые ресницы – ставшая дальнозоркой Вигнатя отлично их разглядела и в прошлый раз – а к сумочке добавился рюкзак для роликов, тяжеленький, явно с роликами. Вигнатию она и в этот раз не заметила. Два голубя из трех вспорхнули и на бреющем полете скрылись за кустами, в которых утопала скамейка. Вигнатя проводила их взглядом, безразлично поморщившись. Потом опять посмотрела вслед уходящей по залитой солнцем дороге соседской девочке. «У, филистимлянка!» – со злостью подумала Вигнатя и вдруг очень четко и ясно поняла, что ей надо делать. Что вообще ей надо делать, в жизни, в принципе. Это произошло неожиданно, как открываешь глаза после долгого сна без сновидений. Надо бороться! Надо бороться и сражаться – вот что надо делать! Как Давид!

Вигнатя вытащила из сумки платок свой и покрыла голову свою, платком покрыла ее. «Словами и делами буду бороться со скотами и гадами, – подумала Вигнатя, – и умерщвлять их буду пилами, железными молотилками и секирами, как поступал Давид, избранный Давид, со всеми городами аммонитян, и с прочими многими филистимлянами и шестипалыми уродами из Гефы, или Гафа, или как там, – а, не важно!»

Жизнь уходила. Жизнь стремительно приближалась к последнему повороту, за которым не будет скоро видно ни ее самой, нелепой и полосатой, ни даже сумки ее с роликами и запасными носками, ни даже тени ее, ни даже воспоминания.

«Катись, катись, ка-а-тись, пока не докатилась до чертиков! – подумала Вигнатя. – Пока я жива, я буду с этим бороться. И один в поле воин, вот так! Даже если все вокруг – законченные гады и паразиты, вот так!»

Она залпом выпила бутылку холодного теплого чая, бросила в пасть оранжевому кошмару опустевший пластик и решительно направилась к машине. Бороться! Ради внуков, ради будущего на Земле, ради правильного будущего, а не этого сиренево-полосатого, вот так!

Сделав два-три шага, Вигнатя вернулась и заглянула в мусорку. Чрево лягушенции оказалось весьма вместительным, в нем не было видно ни туши, ни пудреницы. «Ну и ладно! Куплю новые!» – демонстративно пожала плечами Вера Игнатьевна и ушла уже окончательно.

– Гурлым! – зевнул голубь и погрузился в послеобеденный сон.

.....
Главная Регистрация Дисциплины Преподаватели Форум Контакты
Список преподавателей
1. Абрамов Михаил Андреевич

2. Алексеева Мария Михайловна

.....

64. Богачева Вера Игнатъевна

.....

979. Яшина Полина Васильевна

.....

Глава 3. Всё будет просто зашибись

– Ковчег был из дерева ситтим, метр-полтора длиной.

— Такой маленький?! 0 о И туда реально влезли все образцы ДНК?

– Бррр... Какие ДНК?!?!?!!!!

– Нууу... банк ДНК или био-образцов как там его... от каждой твари по паре молекул кароч!)))

– Алё, подруга, это НЕ ТОТ ковчег! Биообразцы Ной собирал. В натуральную величину. Это было намного раньше.

— Штоли еще один ковчег?

– Нуда! Второй маленький ковчег делал Веселиил по просьбе Моисея. Моисей – это который евреев по пустыне водил! Понятно?

– ВЕСЕЛИИЛ РАЗВЕСЕЛИИЛ! %) 1Й большой ковч был с мясом на случ потопа, 20Й маленький с водой для засухи!))))))))))))))))))))))))))

– Не богохульствуй все-таки, лана?

«Описание ковчега»

Исход. Глава 37

Выдержки из SMS-переписки двух молодых людей

Большая коробка появилась возле дивана после завтрака.

– Ypa-a-a-a-a-a-a-a-a-a!!!!!!!!!!!!!!!!!!!! Ecc! Ecc! Ecc!!!

– Завтра, завтра откроешь!

– Ни фиги, сейчас!!!

– Но Ева, День Чертенка только завтра!

– Аааа, я – чертик, нам всё можно! Оле-оле-оле!

– Эгей, давай считать, что ее еще не доставили!

– Ага! Ща3333!!!

— Но папа...

Люблю, люблю, люблю, люблю всеми оттенками коричневого, и бежевые нежные мишки в обнимку, и сердечки в блестках, и половина сердец уже рвется пополам, и мишки уже всмятку, хоть и по-прежнему в обнимку, и лента цвета ванили отправляется в свой лучший полет с подарка на пол, и ее самый тонкий золотистый усик-окантовка находчиво пристроился в овраге между мизинцем и ладонью – приклеился, чтобы увидеть все с высоты, – а, не до него сейчас! – скорее, ну что же там, какой он, какой он в этот раз...

— Какой он? — няне и самой не терпится.

– Ну щаз, ну же, ну...

Еще один слой люблю, люблю, лю... и мишки, и сердце...

– Тут еще сундучок, а он, он внутри...

Сундучок – не сундучок, почти сундучок, и четыре кольца золотых на четырех нижних углах: два с одной стороны, и два – с другой. Крышка – с окошечком, а чертика-чертенка внутри пока не видно, виден светильник чеканный: стебель его, чашечки его, яблоки его и цветы выходили из него...

— Чудо, а не работа!

– Не открыва-а-ется!!! Ну!!!

– Осторожнее!!!

– О-о-оооо!!! Вау! Мяу!!! Ааааа!!! Инна-а! Ты только посмотри....

Чертик сидел возле светильника с шестью ветвями и чашечками на каждой ветви наподобие миндального цвета; сидел он, прислонившись спиной к светильнику, прислонившись спиной. сидел он.

– Какая прелесть!!! Как его зовут?

– Сейчас... сейчас прочту... Уолтер.

Большая коробка появилась возле дивана после завтрака. Стас маялся на кухне, вяло болтая ногами и переваривая во рту комок хлеба, отставший от успевшего проглотиться сыра, и видел, как двери стали шуметь ключом и поворачиваться.

– Мама!

– Нет, Стасик, мама потом придет. Мама в больнице, болеет мама...

Что она потом и потом? Болеет и болеет?

Бабушка всхлипнула. В дверь вошли двое: брат и коробка.

– Аз, два, – сосчитал их Стас.

– Сейчас еще одну принесу! – крикнул брат и хлопнул дверью.

– Да не тащи такие большие-то! Куда их! – крикнула вдогон бабушка, вытирая глаза.

Бабушка плохая, не веселая. Все время плачет. Скорей бы она уехала одна! Стас вылез из-за стола и пошел смотреть на коробку, которую брат успел затащить в комнату. А хлеб он по дороге выплюнул в пакет с картофельными очистками, который нехорошая чужая бабушка оставила на полу. Вот вернется мама, тогда будет бабушке в угол!

В комнате уже стояло несколько набитых куртками, и брюками, и зимним свитером с оленями, и новыми фломастерами, и в оленьем свитере блюдом, и перетянутых скотчем коробок. Вчера Стасик помогал брату и бабушке складывать фломастеры, а про свитер и блюдо тоже увидел, вот...

Новая коробка была от телевизора. Это Стас знал наверняка, потому что бабушка тоже зашла посмотреть на коробку и сразу сказала:

– От телевизора. И куда она нам в плацкарт? Мы ж только одежду пока и ценности, эх...

– Га-ать? – спросил Стас.

Бабушка не поняла. Плохая бабушка! Сложные слова говорит, а простые – не понимает. Раз не поняла, Стас спросил подробнее:

– Га-ать очешь?

Бабушка опять не поняла. Какие они, взрослые, глупые!

Вместо ответа бабушка сказала:

– Мы большую коробку тут оставим, сложим в нее ненужные вещи. А всё, что нам нужно, возьмем с собой.

– Всё-о? – спросил Стас.

– Ну да, всё что нужно. Всё что нужно – возьмем.

– Хо-ошо! – удовлетворенно согласился Стас, потом подумал, заглянул в коробку от телевизора и еще спросил: – Стасика возьмем?

Бабушка уже знала, что ребенок постоянно говорит о себе как о постороннем. Она поняла и душно окружила его руками и животом:

– Ну конечно возьмём! Куда же мы без Стасика! Стасик у нас самый главный!

Стасик вывинтился из бабушки и кивнул:

– Хоошо!

Бабушка встала и открыла шкаф – то отделение, из которого уже упаковали олений свитер. И стала там копать. А Стас еще раз заглянул в коробку и спросил:

– В кообке?

– Да? Что в коробке? – не поняла бабушка. – Там что, грязь в коробке? Да? Ну не лазь туда. Не лазь. Играй иди в чистые игрушки. Я ее выброшу. Потом.

– Нет! – закричал Стасик. – Въ-ёшь! Въ-ёшь!!!

Он бросился стучать кулаками по бабушкиному животу, но живот был мягкий, и стучать по нему, чтобы достучаться, не получалось. Тогда Стас от бессилия упал на пол и зарыдал.

Как можно выбросить коробку со Стасиком, которого должны возьмём в коробке? Сначала говорит: возьмем в коробке. А потом говорит: выброшу! Врет! Врет бабушка! Она коробки с фломастерами возьмет, а Стасика – нет! Нет! Нет!

– Нет! – орал Стасик. – Нет!!!

Как же это: быть выброшенным в мусор вместе с коробкой? Как его тогда мама найдет в мусоре, когда кончит болеть из больницы?

– Не-е-ет!!! Не-и’-и’-а-ет!

– Ни фигасе тут у вас концерт! – присвистнул Салим, протиснув в комнату вторую коробку и обнаружив возле первой обессиленную бабушку и почти обессиленного Стаса, пинающего ногами попеременно то коробку, то бабушку.

– А ну кончай орать! – рявкнул Салим. – А то точно по мозгам получишь!

Стас заткнулся. Судя по силе рявка, брат не врал. Конечно, сразу полностью заткнуться Стас не смог, но у детских истерик тормозной путь бывает очень короткий. Еще секунд тридцать малыш судорожно открывал рот, вдыхая воздух порцию за порцией. Но орать уже не орал.

А потом он и совсем угомонился. И даже повеселел. Потому что ненужную коробку от телевизора, точнее то, что от нее осталось после усиленного ного-пинания, Салим вдруг взял и превратил в домик с окном.

Длина домика получилась два локтя с половиною. Ширина и высота – всего полтора локтя. Но ничего, Стасик на корточках поместился. И даже любимый Ёля поместился, куда ж без Ёли?

– Ух ты, какой до-омик! – сказала бабушка. – Вот это домик! И Стасик там словно ангелочек, словно ангелочек. Ну чисто херувим!

– Ты чо при ребенке матом? – обалдел Салим.

– Матом? Это ты про херувим? – не поняла бабушка.

– Ну...

– Так Санечка, это ж ровно то, что ангел. Одно. Херувим – он старший ангел. Ты любого попа спроси.

– Вот еще! Глупости!

– Не глупости, – всхлипнула бабушка. – Не глупости. А ребяенок, особенно убогонький – он истинно херувим. Его Господь в обиду не даст. И мы его защищать должны. Радовать. Вот ты его домиком радуешь. А мамка ваша небось сейчас на вас сверху на двоих на вас сейчас радуется-то...

И бабушка расплакалась. Салим встал на колени спиной к бабушке и спиной к брату и стал вырезать ставни – фигурно, ажурно, криво и очень долго. Как же его бесила эта дурабабка, со своей манерой повторять слова в предложении по несколько раз! Салим знал, что скоро, очень скоро он сбежит от всех в Москву. Но сейчас, конкретно сейчас он сбежать не мог. Конкретно сейчас он мог только чтоб его лица никто не видел. Минуты три.

Бабушка тоже взяла себя в руки и успокоилась. И не стала говорить про сигареты, которые нашла утром в кармане Саниной куртки. А проявила мудрость, посмотрела на картонные ставни, улыбнулась и сказала:

– Ох, красота!

Салим знал, что бабка врет, и ставни получились так себе. Ну ладно, ладно, не так себе, а очень даже вполне. Но основная красота ожидалась впереди. То есть впереди во времени и с боков в пространстве. Салим взял Стасикины краски и нарисовал с обоих боков от окна, на стенах, поверх значков с бокалами и надписей «не кантовать» двух желтых херувимов. Желтой краски на них не хватило, и один из-за этого стал желто-зеленый, а второй, который с банкой кока-колы в руках, – желто-оранжевый. И хотя херувимы были похожи на херувим знает что, все-таки у них были крылья, и покрывали они своими распростертыми крыльями крышу Стасикиного домика, и лицами своими они были обращены друг к другу; к крыше домика были лица херувимов, не похожих на херувимов.

Бабушка должна была опять улыбнуться, но она почему-то опять заплакала, и поэтому Стасик неуверенно уточнил, не вылезая наружу:

– Хо-ошо?

– Хорошо, – сдул со лба волосы Салим. – Очень хорошо. А будет всё еще лучше. Будет – просто зашибись! Даже не сомневайся.

.....
Главная / Коллекционные куклы Доставка и оплата Контакты

Коллекция авторских работ, изготовлена руками лучших мастеров бельгийской компании *****. Это одна из ведущих компаний по производству эксклюзивных украшений и сувениров...

Кукла «Хампти-Дампти»
3550 руб.
Артикул 365-111598ЕН
Купить

Кукла «Сидящая фея Черрионна»
21890 руб.
Артикул 23-5178АН
Купить

.....
.....

Кукла «Чертенек Уолтер со светильником» на подставке
38 600 руб.

Артикул 773-61783DD
Купить

.....

Глава 4. За семью печатями

– В центре сидел Сидящий, вокруг 24 старца и 4 животных исполненных чей: лев, телец, орел и кто-то с лицом человека

– Чей исполненных?

– Сорри, описка: очей.

– Мутанты?

– Шут их знает, в те времена такого слова не было. Перед ними была книга под 7 печатями

– Библия?

– Не. Никто не знает точно, какая книга. Потому что Иоанн Богослов ее съел

– Съел??? 0_o

– В 10 главе – съел. Ему так ангел приказал. И тогда Иоанн стал все знать, что в ней написано!

– Пипец. Возьму на вооружение. Пошла хавать с маслом и кетчупом учебник ма-тики – завтра контрольная!(((

«Книга за семью печатями»

Откровение святого Иоанна Богослова

Главы 4,5 и 10

Выдержки из SMS-переписки двух молодых людей

«В работе показано, что действительная часть гиперкомплексного потенциала в четырехмерном пространстве Бервальда-Моора вместе с малой аддитивной добавкой, учитываемой в первом приближении, только тогда является конформным потенциалом, когда аддитивная добавка есть решение волнового уравнения, инвариантного относительно группы Пуанкаре...»

Пространство Бервальда-Моора Макс не нравилось потому, что он его не чувствовал.левой, логической половиной мозга, процентов на десять понимал. Но в правую, образную половину, оно совершенно не укладывалось. Поэтому такое пространство ему не подходило. Вот пространство Минковского, где время – тоже как пространство, – это другое дело! Правой половине оно казалось очень даже прикольным и имеющим место быть...

А вообще-то послать бы всю эту Финслерову геометрию к тараканьим праотцам, стать таким как все, не пытаться ни в чем разобраться, и не лезть в те области, в которых ничего не понимаешь, а просто жить, смотреть телевизор, плодить детей, менять квартиры и гаджеты на более престижные... Живут же так люди, находят же в этом счастье. И в чем оно, счастье, может быть еще? 90 % людей предпочли бы иметь доход 50 баксов, если у остальных вокруг доход 40, и отказались бы от дохода в 60, если бы у остальных был средний доход в 70. Чувствовать, что ты успешнее других – вот и счастье. А еще...

– Масюль, возьми трубочку, а то я ногти накрасила!

Как считает бабушка и добрая половина прочих двуногих – родить сына, посадить дерево, построить дом... А лучше заработать денег и заплатить садовникам и строителям, которые сделают это гораздо лучше, чем ты. Профессиональнее.

– Алло!

– Вас приветствует сеть стоматологических клиник...

Рождение сына ты тоже доверишь профессионалам?!

– Мась, кто звонил?

Итак, подытожим артефакты. Нижние ряды пирамид древних инков имеют уникальную гексагональную кладку со следами высокотехнологичной обработки. А еще в этих пирамидах строители использовали «пластилиновую» технику с размягчением и последующим

затвердеванием базальта и мрамора без нарушения структуры камня. Пластилиновая техника возможна в пространстве и Бервальда, и Минковского, и...

– Мась, ну кто был-то?

– Реклама.

И ясно, что это строили вовсе не инки. А кто-то задолго до них. Люди или существа, у которых правая половина мозга отлично справлялась со всеми пространствами, отличными от Евклидова. С другой стороны, вся эта Фин-слерова геометрия может оказаться лженаукой, очередным мыльным пузырем, и только.

– Какая реклама?

– Зубная. Ты скоро?

– Три минутки!

Но почему от этих людей, владеющих столь продвинутыми технологиями, ничего не осталось, кроме незначительных артефактов?...Шат! Где сорочка?!

– Алюсь, Родионовна мою черепаховую сорочку погладила?

– А я знаю?

– А в чем я пойду?

Впрочем, сорочка – это ерунда. Макс выудил из шкафа первую попавшуюся футболку и бросил ее на кресло.

– Алюсь, я в душ, я быстро.

– Ты нотик берешь с собой?

– В душ?!

– К Соколовым!

– Зачем?

– Ну ты что, там же лучшие фотки!

– У меня на мобилке тоже много, найдем, что показать.

– Ма-акс, капитан Очевидность! Я как дурочка из переулочка таскалась там по Венециям, обвешенная аппаратами и объективами, а ты хочешь показать всякую дребедень с мобилки?!

Алку нельзя назвать красивой от природы, она красивая от ухоженности, а вот фигурка – супер от природы, это да... И сколько же в ней чертей, черт подери! Вон, вскочила, аж искры из глаз сыплются! Макс улыбнулся.

– А давай махнем в Перу на следующий год?

– В Перу? – Алла задумалась.

Макс механически проследил за направлением ее взгляда. Вверх, влево. Значит, уже мечтает, уже мысленно в Перу. Соколовы и нотик временно забыты.

– Но учти, я там асфальтированными туристскими тропами топтать не намерен. Увезу тебя в такую чащобу, что... что...

Алла облизнулась и хрюкнула от восторга. Перуанские чащобы – это креативно, это для блога – джаст то, что нужно!

– С тобой – хоть на край света!

– Ладно, я в душ – и пошли!

– Нотик не забудь!

Вместо душа Макс почему-то уселся в ванну, заткнул слив и пустил воду себе на ступни. Как же, как именно инки или кто там жил до них могли вот так укладывать камни? Макс взял в руки две губки и приложил их одну к другой. Одна губка была искусственная, прямоугольная и жестковатая. Вторая – бесформенный кусок естественной, морской губки. В обычном, трехмерном пространстве они едва касались друг друга несколькими точками и никакой стены, никакого монолита не создавали. Кто б сомневался. Макс придавил с силой. Теперь – другое дело. Но придавленная губка при этом наверняка поменяла свою структуру

– в придавленных частях, разумеется. Даже если снаружи не видно, это так. Можно сделать срез и убедиться. А камни в кладке инков поменяли свою структуру? Никто не позволит там делать срезы.

Воды в ванне набралось по щиколотку. Макс опустил морскую губку в воду. Если теперь придавить мокрую губку, из нее потечет вода. А что, если из камней тоже «вытекало» что-то при обработке? Это что-то могло остаться на поверхности. Конечно, за долгие тысячелетия камни вымыты и выветрены, но должны остаться внутренние поверхности построек – это раз. И вещество, которое могло «вытечь» из камня при неведомой обработке, способно оказаться таким прочным, что любым ветрам нипочем – это два...

– Мась, ты недолго там, ладно? Нас к семи ждут.

Но кто сказал, что камни сжимали, как губки? Идея о применении для строительства четвертого измерения нравилась Максиму гораздо больше. Разумеется, это должно быть не банальное четырехмерное пространство Минковского с четвертым временем, а все-таки Бервальда-Моора или что-то в таком же духе. Тогда теория получалась красивой. Но ведь все вокруг нас постоянно вопиет о том, что мир – трехмерен, трехмерен, трехмерен – и не более!

Макс оставил в покое губки и взял в руки причудливой формы бутылку с пеной для ванны. Несмотря на форму, топология у бутылки самая обычная: в нее можно что-то налить, из нее можно что-то вылить, у нее две поверхности, внешняя и внутренняя. А ведь существует же в природе знаменитая бутылка Клейна, подумал Макс, и поверхность у нее – одна. Как у ленты Мебиуса. Пока Клейн ее не придумал, миллиарды людей считали, что такого не может быть. Делали себе обычные бутылки, и даже знаменитая людовиковская с искривленным горлышком была – случайность. А бутылка Клейна – реальность или теоретическая предпосылка?

– Обычная трехмерная бутылка, – пробормотал Макс и вылил под струю воды густо воняющую розами массу.

Допустим все-таки, что пространство землянами всегда воспринималось как трехмерное. И было таким. А камни не сжимались, как мочалки, а... а появлялись, как пена!

Идея была свежей, посему казалась автору почти гениальной. Макс вылил в ванну еще полфлакона роз и стал наблюдать за образованием пены. Дверь открылась неожиданно.

– Максим!!!

– А?

– Это – на минуту под душ, да?

– Ну...

– Блин, это же моя пенка! Ты что, ошалел? Да от тебя же теперь розовым садом за километр нести будет!!!

Алла решительно выключила кран, как будто это могло что-то изменить. Макс скользнул взглядом сквозь подружку, едва ли слушая, что ему говорят. Если камни могли расти как пена или как-то иначе, то это меняет все дело!

– Ма-акс!

– А?

– Я просто обалдеваю с тебя! Такой деловой вроде, а всю дорогу витаешь в облаках. Как ребенок. Как ты это свое МГИМО только закончил при таких песнях!

– У меня две вышки, кнопка, а не одно МГИМО. И диссер на подходе.

– С диссером – давно пора. Двадцать семь – пора.

– А то если я не защищусь, ты за меня замуж не пойдешь?

– Так ты ж не зовешь! Держи полотенце.

Макс взял полотенце и бросил его за спину, на край ванны – не на край, а на мраморную поверхность, в которую переходил изгиб ванны, подальше от кранов.

– Почему не зову? Зову. Во, слушай...

Макс откашлялся и заорал во все горло:

– Алка-а-а!!! Кно-о-о-пка-а-а!!! Вы-хо-ди за меня-а-а!!!

– Псих, соседи ментов позовут!

Алла покраснелась и стояла, картинно зажав уши. Ей было чертовски приятно, что ее так громко, четко и однозначно зовут замуж. Причем не в первый уже раз. В четвертый.

Первый раз был давно, когда она ждала Макса перед входом в клуб, замерзла, а он опоздал и вместо извинения – «Алка, а выходи за меня замуж!».

Второй – в машине, год назад, по дороге в Вологду, после песни по радио «Я на тебе никогда не женюсь».

Третий – на свадьбе у Боярских, зимой, при всех, когда букет ловили. Но вот зима уже прошла, дождь миновал, перестал; цветы показались на земле, смоковницы распустили свои почки...

И вот он, четвертый – в ванне. То есть в ванной.

– Ментам тоже нальем! Выходи за меня, голубица моя в ущелии скалы под кровом утеса! Покажи мне лицо твое, дай мне услышать голос твой, потому что голос твой сладок, и лицо твое приятно!

Алла не против была выйти замуж хоть сегодня, хоть вчера. Но у Макса принцип – сначала защита диссертации, потом они едут к каким-то мистическим Белым Камням, вокруг которых Максиму позарез надо обойти три раза, и тогда можно сразу в ЗАГС. Дурдом на выезде, честное слово! Алка предполагала, что бебик может ускорить этот процесс. Но бебик почему-то никак не получался, хотя противозачаточные таблетки она давно таскала в сумочке только для видимости...

– Ну ты и шут!

– Это не я, это, меж проч, Соломон! Песнь песней, классика!

– Ааа, ясно. Я не читала, к сожалению.

– Ну и хорошо. Зачем тебе эту белиберду читать? Тебе ж с Вигнатей идеологически-умные беседы не надо поддерживать.

– А, так это из Библии?

– Нуда, я ж говорю: Соломон, Песнь песней.

– А я подумала, что раз Соломон – то из Тысячи и одной ночи... Интересно, скоро у твоей бабушки этот заклин пройдет?

– Скоро, скоро. Судя по ее возрасту, и у нее скоро все пройдет, и для нее все пройдет. Вообще вэ-сэ-ё.

– Макс, ты недобрый!

– Спокуха, я не добрый, но реалистичный. Моей бабушке – семьдесят два, а средняя продолжительность жизни в странах восточной Евро... Слушай, это полотенце – мое или твое?

– Твое.

Макс наконец вылез из ванны, обмотался полотенцем и подошел к зеркалу. Зазеркалье – это пример мнимого шестимерного пространства. Такое пространство легче себе представить, чем пространство этого Моора!

Голубица со сладким голосом и приятным «лицем» тоже подошла к зеркалу и стала рядом со своим голубком. Свежий и ровный загар у нее, загар и облупленный нос у него... Если у них будет мальчик, и он будет умным и красивым в папу, а здравомыслящим и гламурным в маму, то это будет лучший в мире бебик, ага! Странно, что она не беременеет. Вроде все в порядке, а...

Почему шестимерное пространство представить проще, чем четырехмерное? Из-за того, что в мире существуют зеркала? Или наш мозг так устроен...

– Взять?

– Кого?

– Макс! Твоя мобилка вопит, ты что, не слышишь?

– Точно. Возьми, это Вигнатья.

Алла вздохнула и вышла из ванной. Макс – большой ребенок, это навсегда. Засмотреться на свою девушку в зеркало и не услышать мобилки – это ж надо! «Бабушки, бабушки, бабушки-старушки! Бабушки, бабушки, ушки на макушке!» – издевательски продолжал трещать телефон.

– Скажи, что я позже ей перезвоню! – вдогонку Алке и «бабушкам» крикнул Макс.

Болтать сейчас с шибанутой «предкой» ему ни капельки не хотелось. Идти к Соколовым тоже не хотелось, если честно. То есть – хотелось, но не прямо сейчас, а попозже. А сейчас бы залезть в интернет, попробовать все-таки разобраться с это Финслеровой геометрией. Алка думает, что он работает над диссером. Все бабы, даже такие суперские, как Алка, – дуры дурами. Какие еще инки и мнимые пространства для работы, если диссер у него – по политологии?!

– Мась, она просит, чтобы ты позвонил ей сразу, как только сможешь. Это что-то срочное. Она так и сказала, странно сказала – «истинно срочное».

– Истина где-то там... – пробормотал в ответ Макс, натягивая на небрежно вытертый торс свежую футболку. – Как книга за семью печатями.

– Что?

– Это сериал такой был, – пояснил Макс. – Старый сериал. Дэвид Духовный в главной роли. Фраза оттуда.

– Да, помню. Икс-файлс. Я маленькая еще была, но смотрела. А бабулька твоя при чем? Думаешь, она по поводу сериала звонила?

«Кошмар, на ком я собираюсь жениться?» – мимоходом подумал Макс.

– Не знаю. Ладно. Позвоню я ей, конечно. Сейчас позвоню. Твои ногти там как, высохли? Идем, что ли...

.....
Журнал maks_abs

Создан 2007-01-02 17:07:35 (#1280***), обновлялся 2010-**-**

540 комментариев получено, 966 комментариев отправлено

Постоянный аккаунт

275 записей в журнале, 109 меток, 6 записей в избранном, файлов в фотоальбоме:

100+, 5 виртуальных подарков, 12 картинок пользователя

Основное:

Имя – Максим Богачев

Дата рождения:

О себе: я есть

Интересы (24): ***

Связаться:***

Друзья (читать записи):

Друзья (202): ***

Взаимные друзья (154): ***

Также в друзьях у (85): ***
.....

Глава 5. Из костей и праха

- Б создал Адама из праха. А Еву – из ребра
- Да это я знаю... Штоли праха не хватило?)))
- Имхо кость прочнее!;)
- Бедняга Адам

- ???
  - Ну походу больно ж
  - Спокуха, ампутация шла при наркозе! Дословно: и навел Г. Б. на чела крепкий сон...
  - Гребенщиков-то при чем???
  - Какой еще Гребенщиков?????
  - БГ
  - Ева!!! Я написал не БГ, а ГБ – Господь Бог!
  - О черт! Не путай меня! Пиши или Б или Г!!!
- «История с ребром»*
Первая книга Моисеева. Бытие. Глава 2
Выдержки из SMS-переписки двух молодых людей

Бабушка вернулась под утро. Стас спал. Салим тоже замер под одеялом, старясь дышать бесшумно. Салиму показалось, что от бабушки пахнет кладбищем. Но не могла же она провести ночь на кладбище?! С другой стороны, а где еще? Уходя, бабушка сказала, что идет в храм. Но разве церкви по ночам работают? Нет, конечно. У попов, как у всех обычных людей, должен быть рабочий день, обеденный перерыв, вечера свободные...

Бабушка на цыпочках прошла в комнату, подошла к Стасу, смахнула крошку с простыни. А может, и не крошку, – разве в полутьме сквозь прищуренные веки разглядишь? Потом бабушка тихонько всхлипнула, поправила одеяло и направилась к Салиму. Салим плотно закрыл глаза и замер окончательно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.